

губернии) несовершеннолетних крестьян (от 8 до 17 лет), при этом мальчиков сдавали в школы военных кантонистов, а девочек – в казённые селения⁴⁸.

Трудно дать однозначную оценку этого законодательства николаевского времени. С одной стороны, по словам И.В. Ружицкой, такого рода актами расширялись «репрессивные права помещиков», хотя нужно иметь в виду, что при любом исходе дела сосланные крестьяне теперь уже окончательно выбывали из-под помещичьей власти, что объективно сокращало сферу распространения крепостного права и соответствовало общим тенденциям царствования Николая I в этой сфере⁴⁹. В принципе же это законодательство было достаточно рутинным. Вместе с тем наиболее крайние нормы указа 1760 г. фактически были отменены, хотя сам указ действовал до крестьянской реформы 1861 г.

Заметим, что количество людей, сосланных в Сибирь по указу 1760 г., сравнительно невелико. Суммируя отрывочные данные, можно полагать, что в среднем за год ссылалось от 1 до 2 тыс. человек, что не так уж много. Очевидно, что это число имело тенденцию к сокращению. По данным В.Н. Бочкарёва, за 1822–1823 гг. помещиками были сосланы 1 283 человека⁵⁰. По словам Е.Н. Анучина, при Николае I по воле помещиков в 1827–1846 гг. было отправлено в Сибирь на поселение 4 197 душ мужского пола и 2 689 душ женского пола⁵¹.

⁴⁸ ПСЗ-П. Т. 22. Ч. 1. СПб., 1848. № 21768.

⁴⁹ Ружицкая И.В. Указ. соч. С. 145, 194–198.

⁵⁰ Бочкарёв В.Н. Быт помещичьих крестьян // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание в 6 т. Т. 3. М., 1911. С. 30.

⁵¹ Анучин Е.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 годов. Материалы для уголовной статистики России. СПб., 1873. С. 23. См. также: Семевский В.И. Борьба крестьян с помещичьей властью в царствование императора Николая I // Русская старина. 1887. Т. 53. № 2. С. 420; Латкин В.Н. Указ. соч. С. 195–196.

Полиция и полицейское следствие в Западной Сибири (1822–1897 гг.)

Евгений Крестьянников

В условиях крайне разнородного сибирского общества преследование и наказание преступников имели ещё более важное значение, чем в других регионах Российской империи. В Сибири вплоть до введения в 1897 г. Судебных уставов Александра II расследованиями по криминальным делам занималась полиция (с 1885 г. – вместе с судебными следователями), являвшаяся в определённом смысле органом юстиции. При господстве розыскных начал судебного процесса, его закрытости, письменной форме, действии системы формальных доказательств и существовании формального следствия именно от неё в первую очередь зависело правосудие.

В 1819 г., назначив сибирским генерал-губернатором М.М. Сперанского, Александр I поручил ему, наряду с ревизией, реформировать систему управления на вверенной территории. Сперанский полагал, что «отделение суда от полиции... без сомнения было необходимо в истинном порядке»¹, однако согласно написанному им «Учреждению для управления Сибирских губерний» 1822 г. судебные функции городской и земской полиции состояли в «преследовании всякого рода преступлений», «производстве следствий и взятие под стражу обвиняемых установленным законами порядком», «предании их суду»². Тем самым грань между юстицией и полицейским ведомством оставалась иллюзорной. В результате в Сибири полицейские чиновники представлялись всемогущими. «Грозой и язвой сибирской деревни» называл земских заседателей дореволюционный исследователь сибирского чиновничества Н.А. Гурьев³, Им принадлежали обширнейшие полномочия, и, как отмечал Н.М. Ядринцев, «земский заседатель в одно и то же время и полицейский чиновник, и судебный следователь, и верховный вершитель судеб целого участка, имеющего подчас до 100 тысяч населения»⁴. По словам Ядринцева, в Сибири «неизвестно, где кончается полиция и начинается суд – так тесно связаны они между собою»⁵. Сибирские крестьяне называли полицейского чиновника барином⁶. Его «следовательская» власть казалась поистине безграничной: «Что такое сибирский заседатель-следователь? Это лицо, которое может всякого заподозрить в каком угодно преступлении и начать обвинять. Но от него же зависит повернуть, так или иначе, процесс. Он в то же время может отдать подсудимого на обычный суд и расправиться волостным порядком, он же и администратор, поэтому его приказания будут повиноваться тотчас, без промедления»⁷. Полицейские служащие своими выходками дискредитировали государство в глазах населения края. В середине XIX в. тобольский полицмейстер разъезжал с палкой и любого встречного мог ей ударить, или «захватить в полицию для выкупа». Один из земских заседателей тогда «наказывал крестьян тем, что ездил на них по деревне верхом, погоняя плёткой»⁸.

Между тем ещё публицисты XIX в. обращали внимание на то, что сибирские полицейские чиновники были «плохо подготовленными, подчас малоразвитыми, с эластической нравственностью, допускавшей их делать вопиющие злоупотребления»⁹. Как указывает современный исследователь томской дореволюционной полиции Д.М. Шиловский, «на должности поступали люди

¹ Отчёт тайного советника Сперанского в обозрении Сибири с предварительными сведениями и основаниями к образованию её управления // *Прутченко С.М.* Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: историко-юридические очерки. Приложения. СПб., 1899. С. 33.

² ПСЗ-I. Т. 38. № 29125. Ст. 79, 112.

³ *Гурьев Н.А.* Сибирские чиновники былого времени // *Сибирский наблюдатель.* 1901. № 10. С. 31.

⁴ *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892. С. 541.

⁵ Там же.

⁶ См.: *Восточное обозрение.* 1883. 3 марта; *Киевский И.* Из памятной книжки сибирского судьи // *Сибирские отголоски.* 1906. № 8. С. 2.

⁷ *Восточное обозрение.* 1883. 3 марта.

⁸ *Ск-ев [Скоропыхов Я.С.]* Тобольская губерния в пятидесятых годах. Материалы для биографии Виктора Антоновича Арцимовича за время управления его Тобольской губернией (1854–1858 гг.) // *Вестник Европы.* 1897. № 11. С. 11, 15.

⁹ Сибирь. 1876. 21 марта.

некомпетентные и неспособные к службе»¹⁰. Среди служащих обнаруживались и дилетанты, и откровенные профаны, и настоящие преступники. Иногда они были настолько невежественны, что, не подозревая того, сами в этом сознавались. Например, в 1822 г., после ревизии Омского земского суда, в ходе которой выявились множественные злоупотребления и нарушения, от его членов потребовали объяснений. В частности, ревизор отмечал неправильное ведение журналов, форма которых казалась ему «самой простой и внятной». «Форма журналов известна и действительно внятная, — отвечали полицейские чиновники, — но для земского суда весьма затруднительна»¹¹.

В томской полиции за всю её дореволюционную историю только полицмейстер Н.Н. Халтурин имел специальное образование¹². В 1860-х гг. жители Томска «стали выходить на улицу по вечерам не иначе как с оружием, у кого какое находилось — с пистолетами, топорами, кухонными ножами, дубинами»¹³. Когда западносибирскому генерал-губернатору А.О. Дюгамелю стали поступать многочисленные жалобы томичей на беспорядки, и началось расследование, выяснилось, что полицмейстер «Шершпинский никто иной, как беглокаторжный, ловко маскировавший своё прошлое»¹⁴. В 1876 г. томский же полицмейстер Слатовский был замечен в запрещённых играх: вместе с судебными чиновниками он проигрывал казённые деньги в «вертепе разврата» (гостиницах Томска)¹⁵.

Конечно, среди томских полицмейстеров встречались и честные служащие, как, например, подполковник И.В. Нога, который в генерал-губернаторство П.Д. Горчакова (1836–1850 гг.) «отличался, особенно в Томске, необычайной распорядительностью, уничтожил почти все грабежи, бывшие до него и наводившие панический страх на жителей Томска; так что при ревизии гр. Толстым Томской губернии, он обратил на себя особое внимание гр. Толстого и получил орден за отличную и примерную распорядительность». Переведённый потом в Омск, Нога не вписался в хитросплетения местных чиновничьих связей, не захотел с ними мириться и «вышел в отставку; но, будучи всегда честным тружеником, не нажил себе, конечно, состояния, хотя и мог бы обогатиться даже в Томске». В результате «он переехал к себе на родину в Киев, стал болеть и, имея семью, не вынес лишений и кончил сумасшествием»¹⁶.

Как сообщал А.Х. Бенкендорфу в 1833 г. тобольский губернатор А.Н. Муравьёв, составивший записку «О злоупотреблениях и злоупотребителях Тобольской губернии», «большей частью земские заседатели никуда не годились, а служили только к обременению уездов»¹⁷. Ревизии постоянно вскрывали недостатки и упущения полиции. Генерал-губернатор Западной Сибири И.А. Вельяминов, обследовав в 1828 г. состояние присутственных мест края, отметил,

¹⁰ Шиловский Д.М. Полиция Томской губернии в борьбе с преступностью в 1867–1917 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. С. 21.

¹¹ Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (далее – ГУТО ГАТ), ф. 329, оп. 12, д. 30, л. 11–11 об.

¹² Рассмахин Ю.К., Яковлев Я.А. Рассказы о томской прокуратуре. Т. 1. Томск, 2004. С. 228.

¹³ Шиловский Д.М. Полиция Томской губернии в борьбе с преступностью в 1867–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. С. 32.

¹⁴ Адрианов А.В. Томская старина // Город Томск. Томск, 1912. С. 179–180.

¹⁵ Государственный архив Омской области (далее – ГА ОО), ф. 3, оп. 9, д. 3738, л. 4.

¹⁶ Воспоминания М.Д. Францевой // Исторический вестник. 1888. № 7. С. 80.

¹⁷ Переписка А.Н. Муравьёва // Выдающиеся губернаторы тобольские и сибирские. Тюмень, 2000. С. 317.

что в «оних дела имеют течение не столь успешное, как желательно начальству, в особенности... в некоторых земских судах»¹⁸. Проехав в 1830 г. по маршруту недавней ревизии сенаторов кн. Б.А. Куракина и В.К. Безродного с собственной проверкой, генерал-губернатор нашёл полицию в самом удручающем состоянии. Чиновники не посещали места своей службы или бездействовали, в Томском земском суде из-за их «нерадения, лености и пренебрежения своими обязанностями» беспорядок достиг такого предела, что данное учреждение «унизило себя не только в глазах начальства, но и в глазах каждого из граждан»¹⁹. В 1854 г. тобольский губернатор В.А. Арцимович (в будущем – один из видных деятелей эпохи Великих реформ) проверил полицейские учреждения губернии и, найдя в них «утаённые дела» и «бездеятельность в делопроизводстве», отдал под суд нескольких земских заседателей²⁰. Тем не менее в 1871 г. западносибирский генерал-губернатор А.П. Хрущов при ревизии Тобольской и Томской губерний не обнаружил «ни одного заседателя, ни одного полицейского пристава или надзирателя, у коих делопроизводство было бы в порядке»²¹.

В 1862–1863 гг. полицейские чиновники Западной Сибири предавались суду за «неправильные действия», «превышение власти», «вымогательство», «подлог по службе», «жестокое и без всякого к тому основания наказание розгами крестьянина», «истязание крестьянки», «беспорядки»²². В 1889–1892 гг. служащие полиции Тобольской губ. находились под следствием или уже понесли уголовное наказание: за взятки, «неправильное лишение свободы», «составление подложных протоколов свидетельских показаний», «присвоение золотого перстня», «вымогательство и незаконное лишение свободы»²³.

Между тем особенности психологии и управленческой практики отечественного чиновничества в сибирских условиях лишь укрепляли у полицейских чинов ощущение безнаказанности и допустимости пренебрежения своим долгом перед обществом и государством. «Он едва ли юридически понимает строгость предписаний высшего начальства против лихоимства, – писал про полицейского чиновника В.Я. Фукс. – В его глазах поэтому высшее начальство имеет характер исключительно притязательный; губернские и министерские власти, по его понятиям, суть люди, которые, имея в избытке не только насущный хлеб, но и все земные блага, без всякой причины преследуют его; не имея повода предполагать в них зависти, он подразумевает в них какую-то безотчётную злобу. Потому, если он попадётся под следствие и суд, лишится места, подвергнется наказанию, то он считает всякое подобное событие не карой за служебные свои преступления, а незаслуженным несчастьем, наравне с тяжкой болезнью, пожаром и наводнением. Он не погибает в мнении своих сослуживцев; напротив, его все сожалеют: всякому может приключиться подобная же беда, говорят они»²⁴. Любопытно, что когда Сперанский вернулся из Сибири в столицу, ему стали сообщать из Томской губернии о том, как тамошние «земские и другие чиновники», которые во время ревизии, «быв уличены в неправильном присвоении денег, удовлетворяли поселян и инородцев, ныне

¹⁸ ГА ОО, ф. 3, оп. 1, д. 284, л. 294.

¹⁹ Государственный архив Томской области (далее – ГА ТО), ф. 22, оп. 1, д. 71, л. 9–9 об., 21–22.

²⁰ Ск-ев [Скропышев Я.С.] Указ. соч. С. 11–12.

²¹ ГУТО ГАТ, ф. 329, оп. 1, д. 18, л. 54 об.

²² ГА ОО, ф. 3, оп. 3, д. 4960, л. 4–8, 10, 14, 18.

²³ ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 14 об. – 15.

²⁴ Фукс В.Я. Опыт физиологии уездного чиновника // Современник. 1859. № 12. С. 48–49.

сами объявив на них претензии, находят средства к обратному получению заплаченных денег». Сибирский генерал-губернатор потребовал от губернских властей, «чтоб подобных взысканий нигде и не под каким предлогом не производилось, а взысканные деньги были бы возвращены по принадлежности»²⁵. В 1851 г. другой столичный ревизор, член Государственного совета Н.Н. Анненков, обозрев деятельность западносибирской полиции, отмечал: «Всеобщее бездействие искажило даже понятие должностных лиц о служебных их обязанностях и правилах подчинённости. Я убедился, что подтверждения, замечания и выговоры, делаемые начальством, не возбуждают подчинённых чиновников к деятельности»²⁶.

По свидетельству Муравьёва, расследования, производившиеся чинами полиции, были «большей частью весьма неисправны, особенно те, по коим замешаны богатые крестьяне или где следователи имели в виду какие-либо выгоды». Так, по его словам, городничий, «показывая собой пример распутства и безнравственности, привёл дела тюменской полиции в такой порядок, что нет никакой возможности без особой комиссии разобрать смешение оных, особенно в отношении к денежным делам»²⁷. В 1880-х гг. та же полиция из-за своей дезорганизованности была признана неспособной противодействовать уголовщине. В Тюмени, судя по докладам местного исправника, полицейские учреждения обнаружили полное «бессилие» в борьбе с преступностью (в частности, с кражами), их штат был явно недостаточным, а лица, занимавшие полицейские должности, оказались совершенно некомпетентными²⁸.

При этом следователи словно не обращали внимания на разгул криминала. Так, Вельяминов при ревизии делопроизводства каинской полиции обнаружил, что, судя по бумагам, «как бы вовсе в г. Каинске не было ни одного происшествия в нынешнем году»²⁹. Чиновники полиции нарушали правила следственных действий, иногда просто прекращали «всякую деятельность свою по производству следствий», отказывались возбуждать уголовные дела по жалобам населения, а начав расследования, не принимали мер к их завершению³⁰. Когда потерпевший принадлежал к податным слоям общества или являлся бродягой, земские заседатели «если и старались отыскать в подобных случаях виновных, то уже никоим образом не из желания найти их, но лишь из желания вытянуть елико возможно из виновников убийства, а затем предать дело воле Божьей, а тело — земле»³¹.

Чиновники действовали крайне медленно и, похоже, не понимали, зачем начальство требует от них ускорить следствие³². Один из земских заседателей Тобольской губ. на вопрос о наличии у него в производстве залежавшихся дел без смущения ответил: «Очень старых нет, лет по семи»³³. Однако только после

²⁵ ГА ТО, ф. 1, оп. 2, д. 84, л. 47–47 об.

²⁶ Там же, ф. 3, оп. 13, д. 179, л. 19.

²⁷ Переписка А.Н. Муравьёва. С. 318–319.

²⁸ Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Тюмень, 1995. С. 135–138.

²⁹ ГА ТО, ф. 22, оп. 1, д. 71, л. 10.

³⁰ Там же, д. 1135, л. 25–26; ф. 104, оп. 1, д. 1933, л. 50; ГУТО ГАТ, ф. 1, оп. 1, д. 915, л. 2; ф. 479, оп. 2, д. 10, л. 5 об.; РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 241, л. 6.

³¹ *Москвич В.* Погибшие и погибающие. Отбросы России на сибирской почве // Русское богатство. 1895. № 7. С. 48.

³² См., например: ГУТО ГАТ, ф. 329, оп. 12, д. 35, л. 1–2; ГА ТО, ф. 3, оп. 13, д. 179, л. 17–21.

³³ ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 11 об.

судебного преобразования 1885 г., проведённого с целью навести порядок в сибирской юстиции путём введения в крае «временных и переходных» правил³⁴, удалось выявить истинные размеры следственной волокиты. В Томской губ. в 1886 г. велось 6 707 неоконченных следствий. Эту цифру губернатор характеризовал как «громадную»³⁵. В Тобольской губ. тогда же было зафиксировано 6 465 нерешённых дел³⁶. В дальнейшем в Томской губ. положение несколько улучшилось. В 1892 г. в производстве находилось около 4 700 неоконченных расследований³⁷. Но в Тобольской губ. в том же 1892 г. волокита достигла огромных размеров: обер-прокурор Первого департамента Правительствующего Сената П.М. Бутовский, проводя ревизию западносибирской юстиции, обнаружил не менее 18 тыс. незавершённых следствий³⁸. Отдельные дела тянулись до 17 лет³⁹. Между тем выявленные в ходе ревизии цифры неоконченных следствий, скорее всего, были занижены, поскольку имела место практика фальсификации данных. Например, в первой половине 1890-х гг. тобольский губернский прокурор С.Г. Коваленский⁴⁰ при проверке делопроизводства одного из земских заседателей Ишимского округа нашёл 1 023 дела, вместо 79, указанных в отчётных ведомостях⁴¹.

Следственные проволочки доводили расследования до такого состояния, что раскрытие преступлений становилось невозможным. Как констатировал Коваленский, из всех следствий «значительное большинство ложится на такие дела, кои, ввиду того, что за истечением нескольких лет пребывали без производства, утратили всякий интерес как для самих участвующих в деле лиц, так и для власти», поскольку «за давностью времени исчезли не только все следы преступления, но и сама возможность восстановить таковые»⁴². Трупы не вскрывались несколько месяцев, а когда доходило до вскрытия, при неустроенности ледников они уже представляли собой «бесформенную, гниющую и зловонную массу», вследствие чего «не представлялось возможности не только установить отдельные признаки преступления, но даже определить причину

³⁴ РГИА, ф. 1405, оп. 69, д. 7107д, л. 1 об., 46.

³⁵ Там же, оп. 87, д. 9921е, л. 5 об.

³⁶ ГУТО ГАТ, ф. 377, оп. 1, д. 21, л. 97.

³⁷ Там же, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 25.

³⁸ Библиотека РГИА. Отчёт о ревизии судебных установлений и прокурорского надзора Тобольской и Томской губерний, произведённой в 1892 г., по поручению господина министра юстиции, обер-прокурором Первого департамента Правительствующего Сената тайным советником П.М. Бутовским. С. 1; ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 1а, 5; Памятная книжка Императорского училища правоведения на учебный 1915–1916 год. Пг., 1915. С. 71; Пётр Михайлович Бутовский // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 1. С. 90–92.

³⁹ ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 11 об.

⁴⁰ Сергей Григорьевич Коваленский в 1879 г. окончил Императорское Училище правоведения. Будучи товарищем прокурора Санкт-Петербургского окружного суда, он был назначен помощником П.М. Бутовского по ревизии судебных учреждений Западной Сибири (Государственный архив Тюменской области (далее – ГА ТюмО), ф. 40, оп. 2, д. 392, л. 41), составил обстоятельные «Проект положения о судебном устройстве в Тобольской губернии» и объяснительную записку к нему (ГУТО ГАТ, ф. 376, оп. 1, д. 566, л. 1–21 об.), затем входил в Комиссию для разработки предположений об улучшении судебной части в Сибири (ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 1а). Покинув пост тобольского губернского прокурора, служил прокурором Иркутской, Тифлисской, Варшавской судебных палат, являлся директором Департамента полиции Министерства внутренних дел, сенатор (Памятная книжка Императорского училища правоведения на учебный 1915–1916 год. С. 133).

⁴¹ ГУТО ГАТ, ф. 479, оп. 2, д. 10, л. 17.

⁴² Там же, л. 17–17 об.

смерти данного лица»⁴³. «Описанная медленность производства следствий, – писал Бутовский, – приводит к тому, что самые важные преступления, которые при своевременном правильном и энергичном ведении следствия в большинстве были раскрыты, остаются безнаказанными, и валяющиеся в канцеляриях земских заседателей дела о них должны быть ныне признаны безнадежными. По делам же, возбуждаемым в порядке частного обвинения, медленность следователей приводит к совершенному отказу от правосудия». Такие дела, как правило, прекращались «за нехождением»⁴⁴. Томский адвокат Р.Л. Вейсман наблюдал, как «некоторые земские заседатели, продержав у себя в течение давностного срока без производства дела о кражах и других преступлениях, преследуемых в общем порядке, направляли их затем к прекращению за истечением давности»⁴⁵.

При этом полицейские чиновники стремились всячески скрыть недостатки своей работы. По словам Бутовского, они прибегали к разнообразным приемам «с целью избежать наблюдения за деятельностью их в этом отношении и вообще оградить себя от всяких требований об ускорении дел»: оставляли на свободе лиц, привлекаемых в качестве обвиняемых по наиболее важным делам, или освобождали таковых из-под стражи, несмотря на тяжесть совершенных преступлений и наличие доказательств по ним. Соответственно, у преступников была «полная возможность уклониться от следствия и суда»⁴⁶. Тем самым правоохранительная система не только не могла предоставить гарантий безопасности добропорядочным подданным, но и создавала условия, которыми пользовались преступные элементы, чтобы скрыть следы преступлений⁴⁷. «Следствие в Сибири страшно только на минуту, – говорилось в статье “Сибирская уголовщина”, – а потом дела совершенно изменяются. Ловкий и опытный человек даже не боится этих следствий и подсудностей, особенно человек, имеющий место и протекцию. За всяким следствием следует преследование, за одним судом следует другой. Где-нибудь найдётся смягчение, а не то обеление. Подсудимый при прежних порядках не дремал, а только ухмылялся»⁴⁸.

Полицейские следователи (по выражению Дж. Кеннана, «виртуозы вымогательства»⁴⁹) нередко покровительствовали злоумышленникам, тем самым способствуя росту преступности. «Господа заседатели, – докладывал Муравьев, – вообще, при следствиях чинили главнейшие свои злоупотребления, стесняя при оных крестьян вовсе бесполезными мерами, собирая большое количество обывателей без нужды, устраивая некоторых, освобождая других и прочих, и всё сие за деньги и за суммы, весьма для поселян тягостные, одним словом, невозможно исчислить всех изворотов, и нет ни одного случая, где бы полиции сии при малейшей возможности чем-либо воспользоваться от обывателей пропустили бы оный... Тобольская градская полиция, долженствуя служить примером благочиния и устройства для всех таковых же в губернии, напротив того, служит примером всего худшего, что только вообразить можно.

⁴³ Там же, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 12–12 об.

⁴⁴ Там же, л. 12 об.

⁴⁵ Вейсман Р.Л. Заметки о судебной реформе в Сибири // Томский листок. 1896. 29 ноября.

⁴⁶ ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 10 об.

⁴⁷ Сборник циркулярных распоряжений начальника Тобольской губернии (с 15 февраля 1863 г. по 27 января 1867 г.). Тобольск, 1867. С. 2.

⁴⁸ Восточное обозрение. 1885. 16 мая.

⁴⁹ Кеннан Г.С. Сибирь. СПб., 1906. С. 239.

Потачка воровству и грабительству, распутное поведение полицейских чиновников, притеснения жителям, лихоимства, укрывательства беглых и несправедливости всякого рода, что свидетельствуется документами и событиями, составляют характеристику тобольской градской полиции»⁵⁰. «Противозаконные действия явных преступников, нарушителей общественного спокойствия», как обнаружила ревизия Анненкова, подолгу ожидали расследования⁵¹.

Намеренное затягивание следствий и сокрытие преступлений (в том числе – убийств) за взятки были обычным явлением⁵². Благодаря зарождавшейся частной сибирской прессе и Кеннану, рассказавших о злоупотреблениях тюменского исправника Б.И. Красина, имя его стало широко известно. 25 мая 1882 г. жители деревень Голышевой и Елагиной умертвили «посредством задушения» крестьянина из ссыльных Л. Задорожного. Расследование производили двое земских заседателей во главе с Красиным, которые за взятки с подследственных не давали делу хода. Во время следствия исправник приказал старосте сельского общества, выходцами из которого были убийцы, собрать подарки и передать их ему. В результате амбары главы тюменской полиции пополнились пятью возами разных припасов – из муки, рыбы, дичи, яиц и проч., и тот, с характерным цинизмом заявил взяточникам: «Ташите, господа, больше денег и припасов, и я тогда сделаю всё для вас; я буду ходатаем за вас по делу, как будто бы адвокат». Крестьяне утверждали, что по делу Задорожного «брали взятки все, начиная с волостного писаря и кончая Красиным», вследствие чего зажиточная раньше деревня «окончательно разорилась». При этом, по словам местных крестьян, «Красин брал взятки не только по делу Задорожного, но и вообще, как об этом говорят, по крайней мере, в народе», в деревне Голышевой «Красину во взятки пошли даже деньги, собранные на часовню». Крестьянка А. Незарукова как-то попросила тюменского исправника «помочь её горю» – сын в качестве подследственного содержался под арестом. Красин потребовал от неё за это 300 руб. Несчастная мать, продав лошадь, корову, овец, передала ему данную сумму, «но ни сына, ни денег не получила, оставшись совершенно без средств». Несмотря на многочисленные факты злоупотреблений, выявленных в суде, Тобольский губернский суд по неизвестным причинам оправдал Красина⁵³. Однако в 1887 г. его всё же осудили за вымогательство, «лишили всех прав состояния и сослали на поселение в отдалённые места Сибири»⁵⁴. По сведениям Кеннана, новое пристанище бывшего «любезного исправника» (таким он показался американцу при их первой встрече) находилось где-то в восточносибирской глуши⁵⁵.

Подобные случаи не были единичными. «Турист», как он себя называл, М. Квитка, путешествовавший на рубеже XIX–XX вв. по рекам бассейна Оби, передал в своих записках рассказ старика-попутчика, который вспоминал, как когда-то («да годков тридцать, али более того, уже миновало») в течение пяти лет служил у «барина» кучером и «нагляделся в ту пору разных разностей». «Миколай Егорыч», полицейский чиновник, «хапун покойник был»: «Просителев, бывало, там разных как находило к ему в прихожку полным-полно! Он,

⁵⁰ Переписка А.Н. Муравьёва. С. 317–318.

⁵¹ ГА ТО, ф. 3, оп. 13, д. 179, л. 18 об.–19.

⁵² ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 15; Сибирь. 1876. 21 марта.

⁵³ Сибирская газета. 1886. 7 декабря.

⁵⁴ ГУТО ГАТ, ф. 377, оп. 1, д. 51, л. 60–60 об., 149.

⁵⁵ Кеннан Г. Указ. соч. С. 238.

стало быть, завсегда у себя на квартире просителей принимал, а в полиции – ни Боже мой! Глядит, бывало, в окошко на улицу, кто к нему с просьбами идёт. Ежели, примером, один, али два человека, ну, стало быть, беда, говорит, случилась маленькая. А ежели, бывало, мужиков целая куча лезет, тогда знать только ручки потирает: беда, мол, большая случилась, по народу, грит, видно, что дело сотнями пахнет, братец. Потому по беде давай, мол, и денежки». Однажды к нему наведалься толпа мужиков, убивших конокрада и просивших «Егорыча», «чтобы не губил их». «Вот торговались и торговались, гляжу я, не сдаётся мой барин и только, – рассказывал спутник Квитке. – Мужики двести дают рублёв, значит, а он упёрся: триста, мол, и никаких! Уж им и вина подносил, и речами всякими приятными в резонт приводил, а мужики всё на своём: бери, ваше благородие, двести, нету-ка более, не погуби, мол, покрой убийство. В ноги кланяются. Насилу на двухстах тридцати дело покончили. Взял барин деньги, теперь, грит, ступайте с Богом, спите спокойно, ничего не будет, двиствительно, им ничего не было. Покрыв убийство чистенько»⁵⁶.

Особенно изощрёнными злоупотребления полицейской властью были в отдалённых уголках края, где проживало преимущественно невежественное и незащищенное население. Вейсман писал о преступной деятельности полицейского следователя И.С. Ландышева: «Этот господин, проживая в селе Алтайском Бийского округа вне постоянного надзора прокуратуры и начальства и имея дело с малоразвитыми инородцами, практиковал вымогательство взяток в формах и размерах почти невероятных. Следствием выяснено, что при возникновении уголовных дел он сажал под стражу в “каталажку” безразлично обвиняемых, родственников их и даже потерпевших, и освобождал их только после уплаты потребованной им взятки»⁵⁷. Но и в более близких к цивилизации районах «разбойники в полицейской форме» (ещё одно выражение Кенна-на⁵⁸) нередко усугубляли последствия преступлений, осложняя участь потерпевших. Бутовский удивлялся «беззастенчивости» действий одного из земских заседателей Ишимского округа, который, «получив от потерпевшего заявление об ограблении у него лошади и, несмотря на наличность обвиняемого», освободил последнего, а потерпевшего заключил под стражу, потребовав с него за освобождение 25 руб. и отпустив только через 3 дня, когда получил данную сумму»⁵⁹.

Большие возможности для получения дополнительного преступного дохода при следственных операциях давали манипуляции с останками неустановленных лиц. Кеннан писал о хитроумных операциях земского заседателя Тюменского округа, в участке которого обнаружили труп мужчины с признаками насильственной смерти. В той деревне отсутствовал ледник, и чиновник приказал отнести мертвеца в усадьбу самого состоятельного крестьянина, где тело должно было находиться до медицинского освидетельствования. В этом доме на следующий день намечалась свадьба дочери хозяина, и он оказался перед выбором: либо понести ответственность «за сопротивление властям», либо полюбовно решить вопрос с заседателем, чтобы тот отменил распоряжение. Когда отец невесты согласился заплатить 30 руб., труп продолжил перемещение из одного конца села в другой, «останавливаясь перед окнами зажиточ-

⁵⁶ Квитка М. По рекам Западной Сибири. (Из впечатлений поверхностного туриста) // Дорожник по Сибири и Азиатской России. 1900. № 4. С. 35.

⁵⁷ Вейсман Р.Л. Указ. соч.

⁵⁸ Кеннан Г. Указ. соч. С. 239.

⁵⁹ ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 15.

ных крестьян и вымогая для заседателя более или менее значительные суммы в виде откупа»⁶⁰. «В некоторых случаях, – отмечал Бутовский, – источником злоупотреблений со стороны земских заседателей является, по-видимому, производство осмотров и вскрытий мёртвых тел; пользуясь тем, что для населения продолжительные наряды караулов к общественным ледникам представляются крайне обременительными, заседатели оттягивают производство вскрытия, пока им не будет уплачена сельским обществом взятка». В отчёте обер-прокурора рассказывалось о том, как один полицейский чиновник Курганского округа получал от сельских старост за скорейший осмотр трупов от 3 до 5 руб.⁶¹

К проведению расследований полицейские чиновники относились безответственно, тогда как контроль над их следовательской деятельностью отсутствовал⁶². Прокуратура, в соответствии с Судебными уставами 1864 г. осуществлявшая надзор за производством предварительных следствий, в Сибири до 1885 г. фактически не имела права вмешиваться в дела полиции. И хотя сибирские обыватели говорили, что «прокурор всё может, коли захочет, даже барина сместить может», мнение сибиряков о могуществе прокуратуры не соответствовало действительности⁶³. «Губернский прокурор, – указывалось в одной из резолюций Тобольского губернского совета, – при действующих в настоящее время отношениях его к полиции, не может давать полицейским управлениям и чинам их предписаний, а тем менее требовать чинов полиции в свою камеру для личных объяснений»⁶⁴. «Совокупность указанных условий, – отмечал Бутовский, – в связи с тем, что относительно исполнения служебных обязанностей административного свойства чины полиции находятся под строгим и постоянным контролем своего непосредственного начальства, тогда как надлежащее наблюдение за производством ими следствий... почти отсутствует, приводит к тому положению, что производство следствий представляется полицейским следователям чем-то второстепенным, ввиду чего, за весьма редкими исключениями, предоставляют занятие следственными делами своим письмоводителям. Письмоводители эти, набираемые в большинстве случаев из ссыльных или же лиц, опороченных по суду в Сибири..., ни по образованию своему, ни по своим нравственным качествам, очевидно, не представляют никаких гарантий добропорядочного ведения дела»⁶⁵. Таким образом, нередко правосудие отдавалось в руки преступникам, зловещие фигуры которых запечатлены в сибирском фольклоре. Так, Квитка слышал в Сибири песню-«плач» о том, «как по речке по быстрой, становой едет пристав, ой, горюшко-горе, становой едет пристав; а за ним письмоводитель, пристрашенный грабитель, ой, горюшко-горе, пристрашенный грабитель»⁶⁶!

В то же время привлечение канцелярских служителей к расследованию преступлений было связано и с перенапряжением полиции края, которая не имела возможности справиться со всеми своими обязанностями. Министр юстиции гр. В.Н. Панин, подводя итоги ревизии Анненкова, заключал: «Нет сомнения, что земские суды в Сибири имеют в сравнении и со всеми тамошними уездными местами, и со всей земской полицией внутренних губерний, гораздо

⁶⁰ Кеннан Г. Указ. соч. С. 239–241.

⁶¹ ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 15–15 об.

⁶² Сибирь. 1876. 21 марта.

⁶³ Киевский И. Указ. соч. № 8. С. 2–3.

⁶⁴ ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 1185, л. 132.

⁶⁵ Там же, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 9.

⁶⁶ Квитка М. Указ. соч. № 2. С. 33–34.

более дела»⁶⁷. Томский губернатор начала 1880-х гг. В.И. Мерцалов утверждал, что обременение чиновников полиции ведением следствий приводило лишь к неисполнению ими «ни полицейских, ни следственных обязанностей»⁶⁸. О «совершенной» несовместимости этих функций и невозможности успешного и скорого ведения дел чрезмерно перегруженными чинами полиции писал в 1892 г. и корреспондент «Сибирского вестника»⁶⁹.

Полицейские служащие действительно не могли уделять расследованиям достаточно времени. К примеру, один из западносибирских заседателей только 6 дней в месяц занимался рассмотрением следственных дел, посвящая остальное время другим занятиям⁷⁰. Кроме того, заседателей активно привлекали к отправлению правосудия в качестве членов окружных судов⁷¹, что отрывало их от исполнения основных обязанностей. Тобольский губернатор Н.М. Богданович указывал во всеподданнейшем отчёте за 1894 г. на то, что участие полицейских чиновников в судебных делах наносит «ущерб гораздо более серьёзным задачам общественного благоустройства и благочиния»⁷².

В России не раз звучали призывы создать специальный следственный орган. В пору деятельности Комитета 6 декабря 1826 г. М.А. Балугьянский предлагал учредить «судную полицию», подчинив её независимой «судной власти»⁷³. Тогда подобные мысли были признаны на заседании 19 февраля 1828 г. «заслуживавшими особенного внимания»⁷⁴, но так и не получили развития⁷⁵. К середине XIX в. недоверие к полицейскому следствию стало уже всеобщим. Так, в 1860 г. В.Д. Спасович заявлял с университетской кафедры: «Само собой разумеется, что уголовные следствия должны бы быть производимы судебными, а не полицейскими властями»⁷⁶. Досудебное следствие было изъято из рук полиции ещё до введения Судебных уставов. 8 июня 1860 г. в 44 губерниях империи был создан институт судебных следователей, что позволило «отделить от полиции вообще производство следствий по преступлениям и проступкам, подлежащим рассмотрению судебных мест». Обосновывалось это прежде всего желанием «дать полиции более средств к успешнейшему исполнению её обязанностей, столь важных для порядка и спокойствия жителей всех состояний, и определить точное свойство и круг её действий»⁷⁷.

На сибирские губернии новый закон не распространялся, но местные чиновники живо его обсуждали. Уже в августе 1862 г. члены Тобольского гу-

⁶⁷ Материалы, касающиеся последствий ревизии управления Западной Сибири, 1851 г. // Прутченко С.М. Указ. соч. С. 379.

⁶⁸ ГА ТО, ф. 3, оп. 13, д. 1221, л. 7–7 об.

⁶⁹ Сибирский вестник. 1892. 13 ноября.

⁷⁰ ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 29.

⁷¹ ГА ТюмО, ф. 65, оп. 1, д. 435, л. 2–3; ф. 40, оп. 2, д. 386, л. 25–26; РГИА, ф. 1405, оп. 87, д. 9921е, л. 11.

⁷² ГУТО ГАТ, ф. 479, оп. 5, д. 1, л. 61.

⁷³ Рассуждения неизвестного (статс-секретаря М.А. Балугьянского) об учреждении губерний с тремя приложениями // Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – Сб. РИО). Т. 90. СПб., 1894. С. 246, 268.

⁷⁴ Журналы комитета, утверждённого Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 г. // Сб. РИО. Т. 74. СПб., 1891. С. 265.

⁷⁵ Коркунов Н.М. М.А. Балугьянский. Проект судебного устройства 1828 г. // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 8. С. 47–54.

⁷⁶ Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. Публичная лекция, читанная в Санкт-Петербургском университете. (Сентябрь и октябрь 1860 г.) // Сочинения В.Д. Спасовича. Т. 3. СПб., 1890. С. 273.

⁷⁷ ПСЗ-III. Т. 35. СПб., 1862. № 35890.

бернского совета полемизировали на заседаниях о том, как следует применять в Сибири положения правил 8 июня 1860 г.⁷⁸, а Совет Главного управления Западной Сибири неоднократно просил министра юстиции «об учреждении в Тобольской и Томской губерниях судебных следователей»⁷⁹. Но лишь в начале 1880-х гг., когда сибирские генерал-губернаторы обратили особое внимание на неудовлетворительное состояние следственной части в крае, а губернаторы (например, Мерцалов) стали настаивать на необходимости введения института судебных следователей, правительство приступило к решению данного вопроса⁸⁰.

В 1885 г. судебные следователи появились в Сибири, хотя их численность (22 чиновника на обе западносибирские губернии⁸¹), была весьма незначительной. Служащие Министерства юстиции ещё до проведения реформы оценивали это число как «самое ограниченное»⁸², «совершенно не удовлетворяющим потребностям населения» считали его и представители местной администрации и судебной власти⁸³. При подготовке реформы предполагалось возложить на судебных следователей расследование наиболее тяжких преступлений. В своей инструкции тобольский губернский прокурор К.Б. Газенвинкель называл их «как бы следователями по особо важным делам»⁸⁴. Однако на практике судебные следователи зачастую рассматривали незначительные уголовные дела, тогда как полицейские чиновники по-прежнему расследовали серьёзные преступления. Так, в Тобольской губ. в 1887 г. чины полиции провели 75% следствий по делам, подсудным губернским судам, в то время как лишь 25% от всех дел, которые вели судебные следователи, подлежали разбирательству в окружных судах⁸⁵.

Роль полиции в преследовании злоумышленников хотя и сократилась, но весьма незначительно. Между тем и в новых условиях, созданных судебной реформой 1885 г. (введение состязательности и гласности процесса, институтов товарищей прокурора и судебных следователей) «жрецы правосудия в полицейском мундире», по выражению товарища председателя Тобольского губернского суда Н.П. Геллертова⁸⁶, показали себя с наихудшей стороны. Их квалификация и профессионализм по-прежнему вызывали сомнения, не проявляли они и особого усердия в следовании нормам морали и права. По словам известного томского адвоката В.П. Картамышева, досудебные расследования, как и раньше, проводили безграмотные полицейские чиновники⁸⁷. «Большинство из этих лиц совершенно не подготовлены к производству следственных действий, и значительный контингент их состоит из людей, не получивших не только юридического, специального, но и среднего образования», – утверждал корреспондент «Сибирского вестника»⁸⁸. По мнению Вейсмана, они «ни по

⁷⁸ ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 1161, л. 281–289.

⁷⁹ Там же, ф. 329, оп. 1, д. 18, л. 70.

⁸⁰ ГА ТО, ф. 3, оп. 13, д. 1221, л. 7–7 об.; Восточное обозрение. 1882. 30 сентября.

⁸¹ ПСЗ-III. Т. 5. Отд. 2. СПб., 1887. № 2770.

⁸² РГИА, ф. 1405, оп. 69, д. 7107д, л. 48 об.

⁸³ Там же, оп. 87, д. 9921е, л. 10.

⁸⁴ Газенвинкель К.Б. Об условиях производства формальных следствий по закону 25 февраля 1885 г. Тобольск, 1889. С. 2.

⁸⁵ ГУТО ГАТ, ф. 377, оп. 1, д. 21, л. 98.

⁸⁶ Геллертов Н.П. Усиление следственной части в Тобольской губернии // Журнал гражданского и уголовного права. 1895. № 3. С. 26.

⁸⁷ Сибирский вестник. Томск. 1885. 16 октября; 1886. 1 мая.

⁸⁸ Там же. 1892. 13 ноября.

образовательному своему цензу, ни по нравственным качествам не представляли в большинстве случаев никаких гарантий правильного и добропорядочного ведения дел, полицейский следователь выходил из характерной среды мелких канцелярских чиновников, образовательный ценз которых в редких случаях превышал несколько классов гимназий или духовных семинарий»⁸⁹.

Как установлено в ходе ревизии Бутовского, среди 54 чинов полиции Тобольской губ. ни один не имел юридического образования и лишь немногие окончили курс в гимназии, образование некоторых ограничивалось «домашним воспитанием», а их нравственный уровень, по признанию обер-прокурора, являлся чрезвычайно невысоким. При этом из-за большой текучести кадров у них зачастую отсутствовала возможность ознакомиться с принятыми следственными делами. С 1889 г. по 1 августа 1892 г. указанные 54 должности занимали 170 лиц. За этот период в четвёртом участке Тюмени сменилось 7 чиновников, во втором участке Ялуторовска – 6, во многих участках по 5⁹⁰. Для деятельности полиции были характерны злоупотребления – незаконные действия, пренебрежение своими обязанностями и процессуальными нормами: служащие не являлись по вызову судебных следователей, оконченные дела направлялись не соответствующему лицу прокурорского надзора, а в суд или в полицейское управление, в качестве экспертов по сличению почерков приглашались почтальоны, писари⁹¹. В 1888 г. товарищ прокурора по Каинскому уезду неоднократно обращал внимание томского губернского прокурора на ставшую обычной практику утаивания земскими заседателями следственных дел под предлогом дознаний⁹². В ходе ревизии начала 1890-х гг. выяснилось, что подобными способами злоупотребляли все без исключения чины полиции Тобольской губ. Именно там, как полагал Бутовский, коррупция пустила наиболее глубокие корни⁹³. Восточнее чиновничество было лучше, но не намного: «Справедливость требует сказать, что среди полицейских чиновников Томской губернии встречаются и такие, которые по деятельности своей и нравственным качествам представляются вполне удовлетворительными... Но такие чиновники являют собой только исключение и притом довольно редкое»⁹⁴.

Делопроизводство судебных следователей, напротив, было найдено Бутовским «в порядке». Среди них преобладали выпускники Демидовского юридического лицея, Московского, Санкт-Петербургского, Новороссийского, Казанского и Харьковского университетов⁹⁵. К 1897 г. 24 из 26 судебных следователей Тобольской губ. имели высшее образование⁹⁶. Недаром некоторые сообразительные сибиряки, поняв разницу между двумя следственными институтами, обращались в соответствующие инстанции с просьбой передать интересующие их дела от полицейских чинов судебным следователям⁹⁷.

Полиция по-прежнему часто позволяла преступникам оставаться безнаказанными, продолжала скрывать следы преступлений, что не могло не сказаться на отношении к ней населения. В отчёте за 1886 г. томский губернатор А.И. Лакс

⁸⁹ Вейсман Р.Л. Указ. соч.

⁹⁰ ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 8 об.–9, 13–13 об.

⁹¹ Там же, д. 789, л. 10, 12, 41; д. 875, л. 8–9, 14.

⁹² ГА ТО, ф. 22, оп. 1, д. 1135, л. 20–20 об., 51–51 об.

⁹³ ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 10, 14–15 об., 27, 124.

⁹⁴ Там же, л. 28 об.–29.

⁹⁵ Там же, л. 31, 32 об.; ГА ТО, ф. 3, оп. 2, д. 2659, л. 2.

⁹⁶ ГУТО ГАТ, ф. 158, оп. 2, д. 16, л. 7–8.

⁹⁷ Там же, ф. 377, оп. 1, д. 47, л. 76.

констатировал: «Благонамеренные люди не питают к полицейским чинам, производящим следствия, того необходимого доверия, каким пользуются всюду чины новых судебных учреждений, а злонамеренные видят в них людей, с помощью которых они всегда имеют возможность избежать кары за свои преступления путём обмана или подкупа»⁹⁸. Вообще, судебные деятели давали исключительно негативные оценки полицейскому следствию. Коваленский считал его главным пороком системы правосудия⁹⁹, а Бутовский сообщение чину полиции о совершённом преступлении приравнивал к «началу гибели дела»¹⁰⁰.

Однако, как отмечалось в местной печати, «этот же “недостаток людей” вынуждает назначать на разные должности тех же самых чиновников, которые уже не раз и не два “удалялись” и по прошению, и без прошения, и даже с отдаванием под суд за всякого рода упущения, злоупотребления и пр.». «Как деморализуют обывателя эти повторные назначения уже раз удалённых от службы лиц! – сетовал “Томский листок”. – Ему не понятны скрытые пружины рокового вопроса. Он видит одно: человек, вчера смещённый с должности за какое-либо явное для всех беззаконие, быть может, надругавшийся над его честью и достоинством, сегодня снова получает власть»¹⁰¹. Неуязвимость сибирских чиновников сказывалась на правосознании сибиряков, вызывая у них «чувство неподконтрольности власти и вседозволенности, что ещё более криминализировало его поведение»¹⁰². В Сибири государственные учреждения часто как бы подстрекали к противоправным действиям. «Зато сибирякам пришлось иметь дело с местным начальством и чиновничеством, – писал знаток региона М. Петров, – которое имело ещё больше власти, чем у нас на родине, и как мы видели выше, всячески насильничало над сибирским населением, отданным в его полную, бесконтрольную власть. Нравы под влиянием административного произвола ожесточались»¹⁰³.

Попытки нормализовать отношения между обществом и местным чиновничеством, сблизить их, терпели фиаско. «Откровенно сознаюсь, – признавал в 1880-х гг. губернатор одной из сибирских губерний, – что я не достиг ни одной из намеченных мной целей: я хотел, прежде всего, сделать для населения вверенной мне губернии, так сказать, осязательной мысль, что чиновники, как высшие, так и низшие, служат для пользы жителей, а не наоборот – население существует для чиновников; но мысль эта не проникла ни в население, ни тем менее в сердца и сознание чиновников. Я хотел, далее, чтобы низшие власти, начиная с сельских и кончая заседателями и исправниками, не изображали из себя в своих районах неограниченных монархов, – и этого мне не удалось искоренить»¹⁰⁴.

В таких условиях невнимание государства, усиливавшееся тяготами чиновничьего произвола, порождало безжалостные способы борьбы за выживание, а производившая впечатление даже на анархистов-революционеров самостоятельность сибиряков¹⁰⁵ превращалась в кровожадный самосуд. Видя бездеятель-

⁹⁸ РГИА. Коллекция печатных записок. № 102. Отчёт о состоянии Томской губернии за 1886 г. С. 12.

⁹⁹ ГУТО ГАТ, ф. 376, оп. 1, д. 566, л. 6 об.

¹⁰⁰ Там же, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 15 об.

¹⁰¹ Томский листок. 1896. 5 декабря.

¹⁰² Шилковский Д.М. Полиция Томской губернии в борьбе с преступностью в 1867–1917 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. С. 19.

¹⁰³ Петров М. Западная Сибирь: губернии Тобольская и Томская. М., 1908. С. 84.

¹⁰⁴ Сибирский вестник. 1885. 20 июня.

¹⁰⁵ На «независимый характер сибирского крестьянина» указывал, например, П.А. Кропоткин (*Кропоткин П.А. Тюрмы, ссылка и каторга в России. СПб., 1906. С. 37*).

ность полиции и безнаказанность злоумышленников, они, «во избежание траты времени и ввиду безрезультативности заявлений, предпочитали не заявлять о случившемся с ними»¹⁰⁶, но изыскивали противозаконные способы самостоятельно карать преступников, которые «при слабом влиянии власти и полиции» «становились смелее и необузданней»¹⁰⁷. «Здесь более чем где-либо развито искание правды, возмездия, правосудия, – утверждал Н.А. Громов, – и недостаток уголовной репрессии при старом архаическом неуклюжем порядке суда и крайней слабости полицейской власти на обширных, безлюдных пространствах влѣк за собой нередко дикий самосуд с его грустными и преступными формами»¹⁰⁸. Членов комиссии Бутовского потрясала беспощадность расправ с преступниками. «Полное недоверие обывателей Сибири к репрессивной деятельности судебных учреждений, – указывал обер-прокурор, – вызывает случаи возмутительного самосуда, который составляет там обычное явление»¹⁰⁹. Коваленский отмечал, что в регионе получили развитие самовольные наказания в «зверском» виде¹¹⁰.

Неистовый «крестьянский самосуд» направлялся, в частности, против бродяг, «бесчисленные останки» которых скрывала «молчаливая тайга»¹¹¹. Чины местной полиции и прокурорского надзора свидетельствовали о ежегодных находках весной вдоль Сибирского тракта «большого количества трупов с признаками насильственной смерти». Такие останки называли «подснежниками», в них часто узнавали известных воров, преимущественно конокрадов. По словам Бутовского, дела о самочинных расправах было «нельзя читать без содрогания». Одного вора крестьяне замучили насмерть, избивая, «раскрывая ему рот дегтярной мазилкой» и засыпая в него сухой горох, другого толпа припѣрла баграми к стене и «заколотила до смерти». В 1891 г. Тобольским губернским судом разбиралось дело об убийстве крестьянина В. Смирнова, которого односельчане подозревали в краже мельничного камня. Когда он с предполагаемыми соучастниками без всякого сопротивления направлялся к старосте, чтобы дать показания, его «буквально как собаку забили палками до смерти» – избивали, «пока не устали», били «уже недвижимого»¹¹².

Сибирские административные и судебные чиновники, не желая мириться с таким положением дел, считали дальнейшее сохранение в руках полиции проведения досудебных следствий неприемлемым и выступали за передачу этих функций судебным следователям. Газетвинкель и председатель Тобольского губернского суда З.Н. Геращенко сразу после реформы 1885 г. заявили о том, что полицейское следствие «гибельно» отражается на отправлении правосудия, предлагая изъять расследование преступлений из компетенции чинов полиции¹¹³. Также настаивали на этом тобольский и томский губернаторы. Последний считал необходимым осуществить данную меру, даже невзирая на то, что следственный аппарат Томской губ., судя по результатам ревизии 1892 г., находился, по словам Бутовского, в состоянии «неизмеримо лучшем, чем в

¹⁰⁶ ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 789, л. 112–113 об.; д. 875, л. 18 об.

¹⁰⁷ Ядринцев Н.М. Положение ссыльных в Сибири // Вестник Европы. 1875. № 12. С. 539.

¹⁰⁸ Громов Н.А. О возможности введения суда присяжных в Томской губернии // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 10. С. 144.

¹⁰⁹ ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 125.

¹¹⁰ Там же, ф. 376, оп. 1, д. 566, л. 3–3 об.

¹¹¹ Москвич В. Указ. соч. С. 47.

¹¹² ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 18 об.–19.

¹¹³ Там же, ф. 376, оп. 1, д. 566, л. 6 об.

Тобольской губернии»¹¹⁴. Однако в целом полицейское досудебное следствие признавалось неудовлетворительным. «Дальнейшее оставление следственной части в тех условиях, в которых она находится в настоящее время, – считал обер-прокурор, – должно быть приравнено к отказу от правосудия»¹¹⁵.

Бедственное состояние органов расследования преступлений в Западной Сибири, и прежде всего в Тобольской губ., заставило в 1892–1894 гг. значительно увеличить число судебных следователей и товарищей прокурора¹¹⁶. Министр юстиции Н.В. Муравьёв также констатировал, что эти меры оказались недостаточными и не привели «к существенному улучшению дела»¹¹⁷. Впрочем, по мнению Коваленского, это имело значение «лишь в смысле спасения» судебной организации «от окончательной гибели»¹¹⁸. Однако нельзя отрицать, что с формальной точки зрения состояние следственной части всё же изменилось: в 1894 г. общее количество неоконченных следствий было доведено до нормы¹¹⁹. «Скорость производства следствий измеряется ныне уже не годами, как прежде, – писал в октябре 1894 г. Богданович, – а месяцами и неделями, значение и сила уголовной репрессии значительно увеличилась»¹²⁰.

Между тем улучшение показателей деятельности следственной части Тобольской губ. во многом было связано с удачным стечением обстоятельств. В 1893–1894 гг. наблюдалось понижение уровня преступности. В 1893 г. был увеличен штат чиновников по крестьянским делам и расширен круг их действий¹²¹. Кроме того, усилия полиции в эти годы были направлены преимущественно на проведение расследований. Видя «лихорадочное напряжение сил всех деятелей по следственной части», Богданович в то же время отмечал сознательное «пренебрежение другими, часто административными, обязанностями чинов полиции». Губернатор был убеждён в том, что долго это продолжаться не может и вскоре успехи «заменятся новым упадком»¹²².

«При неудовлетворительном состоянии следственной части не может быть и правильного отправления правосудия», – считали представители сибирской общественности¹²³. Судебная реформа, проведённая в Сибири в 1897 г. и реализовавшая принцип разделения властей, избавила предварительное следствие от полицейского содействия. Современникам это представлялось «коренным переворотом»¹²⁴. После введения Уставов 20 ноября 1864 г. независимые и авторитетные органы правосудия, укомплектованные высококвалифицированными кадрами, в определённом смысле возвысились над полицией, исполнявшей теперь в судебном ведомстве сугубо организационные и вспомогательные функции.

¹¹⁴ Библиотека РГИА. Отчёт о ревизии судебных установлений прокурорского надзора Тобольской и Томской губерний... С. 22.

¹¹⁵ ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 19.

¹¹⁶ Там же, л. 122; ПСЗ-III. Т. 13. СПб., 1897. № 10006.

¹¹⁷ РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 250, л. 3; Общий обзор деятельности Министерства юстиции и правительствующего Сената за царствование императора Александра III. СПб., 1901. С. 9. О вкладе министра в преобразование сибирской правоохранительной системы см., например: *Крестьянников Е.А.* Н.В. Муравьёв и судебная реформа 1864 г. в Сибири // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 149–153.

¹¹⁸ ГУТО ГАТ, ф. 376, оп. 1, д. 566, л. 4.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 239, л. 2 об.

¹²¹ ГУТО ГАТ, ф. 376, оп. 1, д. 566, л. 3 об.

¹²² РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 250, л. 2–3 об.

¹²³ Сибирский вестник. 1892. 13 ноября.

¹²⁴ ПСЗ-III. Т. 16. СПб., 1899. № 12932; *Вейсман Р.Л.* Указ. соч.